

Ответ: Виновным себя совершенно ни в чем не признаю.

Записано с моих слов верно, мне прочитано: *Клемчинский*

Допросил: оперуполномоченный
ОО УГБ КОУ НКВД *

*ЦДАГО України. — Ф. 263. — Оп. 1. — Спр. 66457-ФП. — Т. 25. — Арк. 82.
Оригінал. Рукопис.*

№ 138

Протокол судового засідання спецколегії Одеського облсуду
у справі римо-католицького духовенства Одещини
21 лютого 1936 р.

1936 р., 21 лютого суд в складі: голови Гудзя, народних засідателів Балтуса, Лихта, з секретарем Ярмолинец, з участю прокурора Йонкиса та оборонця Алексеевой-Поповой, Тульчинского у закритому судовому засіданні слухав справу по обвинению Нейгума Иосифа, Рейхерта, Бака Иогана, Эйзенкрайна, Нольда Иогана по ст.ст. 54–4, 54–11 УК УССР, Клепфера Владимира по ст. 54–4, 54–11 и 165 I ч. УК УССР, Майер Павлины, Воеводской, Перницкой по ст. 54–4 и 54–11 УК УССР.

Обвиняемых доставили с Од[есской] тюрьмы.

Явились свидетели, которые предупреждены по 89 ст. УК и удалены.

Обв[иняемый] Нейгум Иосиф Иванович: [Я] 1874 г. рожд., род[ил-ся] в с. Занфельд Криворожского р[айо]на Днепропетровской обл[асти]. Сын народного учителя, сельским хозяйством не занимался, был все время католическим священником, был ректором духовной семинарии. С 1920 г. был настоятелем в деревне Крилатово, последнее место работы в Одессе настоятелем Н[ового] костела, в партиях не состоял.

В 1918 г. был создан Союз немцев-колонистов, католиков, я был членом редколлегии газеты (национально-религиозное общество). В 1931 г. судтройкой был выслан на 5 лет по ст. 54–6 и по 80 ст. УК. Был досрочно освобожден, пробыл 2 года и 9 месяцев. Духовный сан — священник. Декан Одесский. Последнее время обслужи[ва]л 10-12 приходо[в]. Окончил философские курсы при духовной семинарии.

Я отказываюсь от защиты, я себя признаю виновным и не хочу затрачивать силы защитника. Я хочу себя сам защищать.

Обв[иняемый] Нейгум: У меня болезнь артериосклероз, болен печенью, расширением вен.

* Підпис нерозбірливий.

Спецколегия постановила: допустить защитника к защите обв[иняемого] Нейгума.

Обв[иняемый] Рейхер[т] Цирияк Иосифович: [Я] 1870 г. рожд., [родился] в Раштадте на Николаевщине, был все время патером. Отец занимался хлебопашеством (сколько земли было, не знает). Патером с 1893 г. Окончил духовную семинарию. Последнее время был настоятелем при Старом костеле. В партиях не состоял, не судился, немец, подданства УССР. Лишен права голоса.

Обв[иняемая] Меер Паулина-Альбина Оттовна: [Я] 1878 г. рожд. Род[илась] в имение Плинксе, по 1904 г. жила в Риге, [работала] воспитательницей. В Одессе воспитательница с 1904 г. Кандидат церковного совета. Отец работал кузнецом у помещика. Домашнее образование. Не судилась, в партиях не состояла. Когда мне было 11 лет, отец умер, меня взял к себе на воспитание граф Платтер. Была костеляншей в костеле. Последнее время воспитывала детей германского консула 7 лет, воспитывала дочь и двух сыновей консула Рот[а]. У консула я получала стол и жалованье 150 руб. Иногда занималась хозяйством. Немка, подданства УССР.

Обв[иняемый] Бак Иоган Бернгардович: [Я] 1884 г. рожд., родился в колонии Дудниково Днепропетровской обл. Отец занимался хлебопашеством. Отец имел 21 десятину земли. Сам не занимался сельским хозяйством. Патер-настоятель с. Богунское Яновского р[айо]на, лишен избирательных прав. В партиях не состоял. Немец, подданства УССР, был под следствием в 1924 г. по 111 ст., не судился, был освобожден. У отца было 4 лошади, 2 коров[ы], была жатка, фургоны, были свиньи (4–5). Немец — подданства УССР.

Обв[иняемый] Клепфер Владимир Владимирович: [Я] 1875 г. Род[ился] в г. Вигора в Финляндии. Последние годы жил в Херсоне, [служил] католическим священником. В Одессе был священником при Старом костеле. Отец был жандармским полковником, потомственный дворянин. Участвовал в коммунистической партии боротьбистов в 1920 г. Когда было слияние партии боротьбистов и коммунистов, был принят членом коммунистической партии и после этого, как мне сказали, чтоб я выбирал между партией и религией, я ушел с партии. Русский, подданства УССР. Принял католическую веру в 1919 г., до 1919 г. был русским священником. В 1930 г. был под следствием НКВД по ст. 54–11 УК, сидел 3 месяца и 1,5 месяца был на излечении [в] психиатрической больнице г. Херсона. Кончил Курскую семинарию и Петербургскую духовную академию. Когда я вступал в коммунистическую партию, знали, что я священник, и пробыл в партии несколько дней. Отец служил в Финляндии помощником начальника жандармского управления в г. Выборге. При Деникине я сидел в тюрьме за статьи, в которых я защищал Петлюру в г. Умани.

Обв[иняемый] Эйзенкрайн Петр Петрович: [Я] немец, подданство УССР, 1885 г. рожд. Род[ился] в с. Гейдельберг Мелитопольского уезда. Отец был учителем, народным, сельским хозяйством не занимался, с крестьян. Сам священник с 1908 г. Окончил Саратовскую духовную семинарию. Настоятель римско-католической церкви с. Блюменфельд Тилигуло-Березанского р[айо]на.

Обв[иняемый] Нольд Иоган Михайлович: [Я] 1899 г. рожд. Немец, подданства УССР, род[ился] в Блюменфельде Тилигуло-Березанского р[айо]на. Отец занимался хлебопашеством, бедняк. Сам учился в семинарии по 1919 г. С 1924 г. [служил] настоятелем церкви с. Понятовки.

Обв[иняемая] Перницкая Мария Александровна: [Я] 1882 г. рожд., р[одилась] в с. Ямбург Екатеринославской губ. Отец был учителем, сельским хозяйством не занимался. Муж служил сторожем Старой католической церкви в Одессе. Работала домашней работницей у профессора Штремма по 1932 г. С 1932 г. была на иждивении дочерей, не судилась.

Обв[иняемая] Воеводская Михайлина Ипполитовна: [Я] полька, отец был сапожник. В Одессе живу с 1907 г. Последние 3 года служила в костеле сторожихой. Судилась за то, что учила детей религии, к 5 месяцам принуд[ительной] работы, малограмотная. В костеле получала 50 руб. в месяц.

Объявляется состав спецколлегии.

Отводов не заявлено.

Прокурор считает возможным слушать дело без неявившихся свидетелей.

Защита не возражает.

Спецколлегия постановила: вопрос о неявившихся свидетелях оставить открытым.

Обв[иняемый] Нейгум обвинительный акт получил, признает себя виновным.

Обв[иняемый] Рейхерт обвинительный акт получил, признает себя частично виновным.

Обв[иняемая] Меер обвинительный акт получила, частично признает себя виновной.

Обв[иняемый] Бак обвинительный акт получил, частично признает себя виновным.

Обв[иняемый] Клепфер обвинительный акт получил, частично признает себя виновным.

Обв[иняемый] Эйзенкрайн обвинительный акт получил, частично признает себя виновным.

Обв[иняемый] Нольд обвинительный акт получил, частично признает себя виновным.

Обв[иняемая] Перницкая обвинительный акт получила, признает себя виновной.

Обв[иняемая] Воеводская обвинительный акт получила, не признает себя виновной.

Доложено дело.

Обв[иняемый] Нейгум: Я признаю [себя] виновным в своей к[онтр]-р[еволюционной], работе, которую я проводил сознательно, ко мне приходили комсомольцы и пионеры исповедываться, то я им сказал, что пока они не откажутся от своих убеждений и не выйдут с организации пионер[ской] и комсомола, то я их не смогу исповедывать. Таковую директиву мне дал прелат Крушинский и я эту директиву словесно передавал всем патерам, всем обвиняемым.

Когда я читал проповеди, то я обращался к родителям и говорил, что будет, если все старики умрут, а молодежи не видно. Я действовал на родных и они действовали на детей, дети выходили из пионер[ской] и комсомольской организации. Приходили ко мне венчаться, я говорил, что я не буду венчать, пока они не выйдут с комсомола, если они были комсомольцами, и эти комсомольцы выходили со своей организации.

После моего возвращения [из заключения] ко мне приходил Чемена, который приехал из-за границы, меня расспрашивал, он интересовался отрицательной стороной нашей патерской и настоятельской жизни.

Я действительно узнал 4.XI.[19]35 г. от Бака, что спрятана церковная утварь, и я в периоде следствия об этом сказал следователю.

В отношении Ламбо я с ним встречался, но он меня не вербовал и в интимных отношениях я с ним не состоял. Я сам подданный УССР. Ламбо я встречал от [19]22 г. по 1926 г.

Гопфауфа я очень хорошо знаю.

Когда я вернулся с лагеря, я себя очень плохо чувствовал и был болен, то я написал в Красный Крест в Москву, что я не могу работать, чтоб мне помогли. Я получил помощь из Берлина от организации «Братья в нужде». Из Англии я получал по 2 фунта стерлингов каждый месяц, но я ни с кем не переписывался, кроме чем с Красным Крестом в Москве.

Рейхер[т] и Шуберт-Рейхер[т] мне сам сказал в 1933 г., что он сообщил адреса всех священнослужителей для получения помощи, куда, я не помню. Рейхер[т] пришел ко мне и мне рассказал, что к нему явилась особа, которая просила, чтоб он дал сведения, сколько патеров арестовано, и что эта особа была прислана от итальянского консульства.

Ко мне приходили патера Ройзенкрайн *, Бак, Нольд. Они мне рассказывали о бедности и нужде народа, что народ остался без средств к жизни. Рейхерт мне сказал, что если мы передадим сведения, как народ нуж-

* Так у документі, правильно — Эйзенкрайн.

дается, в германское и итальянское консульство, то эти иностранные представители об этом доложат своим странам, об этом будет в печати, и все будут знать, как в Советском Союзе живет народ.

Прелат Крушинский у меня был в январе 1935 г., он мне говорил, что если я буду арестован и меня будут судить, чтоб я взял на себя все его функции. Я отказался, потому что я не смог исправиться со всей работой.

В 1925 г. в Одессе был [священник] Тауберг*, который занимался вопросами, чтоб посылать детей обучаться. Тауберг ходатайствовал перед консулом в 1925 г. и ряд молодых людей (Перницкий, сестры Шилле и другие) были посланы за границу заниматься, и эти молодые люди должны были себе избрать по их желаним специальность.

Мне сказали, что при входе на хор в Успенской церкви зарыты ценности.

Прелат Крушинский непосредственно давал директивы не в письменном виде, а в устном виде. Я обязан все директивы выполнить и эти распоряжения я передавал патерам.

Когда ко мне приходили венчаться, то я спрашивал, или кто из них состоит в какой-либо организации, и когда мне отвечали, что являются комсомольцами, то я сказал, что пока не выйдут с комсомола, я их не буду венчать.

С обв[иняемой] Маер и вообще с женщинами я никаких связей не имел. Помощь из-за границы я только исключительно получал для себя.

Мы не получали распоряжения от высшего духовенства в письменном виде последнее время для того, чтоб скрывать концы, чтоб Соввласть не узнала, если эта директива антисоветского свойства.

В 1934-1935 гг. ко мне приходили патера и мне рассказывали о жизни крестьян в селе, об общей нужде их.

Мы знали, что обв[иняемый] Клепфер занимается мужеложеством.

Патер Райхер[т] мне сказал, что Воеводская занимается религиозным воспитанием детей.

Ко мне пришел комсомолец Шнайдер и меня попросил, чтоб я его венчал. Я ему сказал, что я не буду его венчать, он мне обещал, что выйдет с комсомола, и я его венчал. Бывали случаи и с пионерами.

В 1925 г. консул Динстман установил 5 стипендий и 5 человек были через консула отправлены за границу для учения. Консул получил задание от своего правительства, и были направлены Яуфман, Перницкий, Плуг и две сестры Шилле.

Приехал д'Эрбиньи и рукоположил некоторым патерам, и директивы в отношении унии он дал патеру Крушинскому и Пфлугу. Д'Эрбиньи я не видал. Это был его приезд в одном году с отъездом пяти человек за грани-

* Так у документі, правильно — Таубергер.

цей. Крушинский имел директивы организовать при французском костеле певчих, чтоб русские пели. Насчет унии, я директив от Пфлуга не получал. По части унии у меня был Чеме[на], в смысле его обработки. Он посетил мой дом 2 раза, насчет унии мы не разговаривали. Патер Рейхер[т] принимал тех, которые просили принять в католичество из мирян, и он принимал. Я тоже принимал в католичество мирян. С Чемена я прямых разговоров с ним не имел, чтоб он перешел в униатство, но я его направлял к униатству. Патер Рейхер[т] произносил русские проповеди для того, чтоб завлечь в униатство.

Эйзенкрайн мне рассказывал, что у него есть знакомый русский священник. Патер Рейхер[т] писал для получения гитлеровской помощи. Писал для ряда лиц, для Розы Рислинг и еще другим. Сколько человек было в его списке, я не знаю. Рейхерт и Шуберт передал[и] список консульству, я получал [помощь] из Лондона и из Красного Креста в Москве, получали все священники. Я помощь из «Фаст Берлянд» не получал.

Патер Рейхер[т], Бак, Эйзенкрайн симпатизировали фашистскому строю. Я сам лично к фашистскому строю не относился ни положительно, ни отрицательно. Вышеперечисленным патерам нравилась стойкость германского правительства, нравилась культура. Мне не нравился и не нравится фашистский строй. Рейхер[т]у помогал консул в смысле помощи с продуктами, одеждой. О денежной помощи я не знаю. Мне Рейхер[т] сказал, что он итальянскому консулу передал информацию об осужденных священниках.

Я давал директивы Клепферу, как относиться к пионерам и комсомольцам его прихода.

Ламбою я никогда не рассказывал о положении села.

Непосредственно с консулами я был связан с консулом Васелем и Динстманом, был у них с визитом дома, был с епископом Цером, говорили о нужде народа, кто из народа сочувствует правительству Германии. В 1925 г. от консула Васеля я получил 500 долларов. Насчет гитлеровской помощи он мне говорил, чтоб помощь из Германии не принимали.

В 1930 г. я имел желание перейти границу и самовольно без разрешения Крушинского хотел перейти границу.

Своим прихожан[ам] директивы я не давал о получении помощи. О вопросах о коллективизации я никаких указаний не давал.

Обв[иняемый] Рейхер[т]: Признаю себя виновным в том, что я состоял в организациях «Ружанцы» и «Терциарки».

Однажды ко мне явился представитель от итальянского консула и меня спросил, правда ли, что имеются 4 ксендза арестованных. Я сперва этому представителю ничего не информировал. Я встретил Меер и ей сказал, чтоб она узнала у итальянского консула, действительно ли консул прислал ко мне его представителя.

Через некоторое время Меер мне сказала, что она была у консула, и что консул спрашивал, правда ли, [что] среди патеров есть нуждающиеся. Она ответила, что имеются. То консул для меня передал 100 руб.

Что касается обучения детей, я не хотел заниматься, я передал функции Воеводской, чтоб она приготовила для исповеди детей, и она мне для исповеди представила 10 детей.

Я не знал, что у нас в церкви находится аппарат.

Деньги от консула я получил один раз 100 руб., один раз 50 руб. и я отдал деньги арестованным священникам, для себя лично я получил два пакета с рубашками. Сбора в церкви для патеров я не делал.

Как-то я пришел к патеру Шуб[ерт]у, он составлял список адресов и меня спрашивал адреса некоторых лиц. Я сам дал список двадцати человек для получения помощи. Этот список я послал почтой в Красный Крест. Я получал помощь с Берлина 2 раза, после получения марок я писал ответные письма.

У меня было два кружка «Ружанца» и «Терциарки». Я их благословил.

Разговор с Нейгумом об отрыве молодежи от ком[сомольской] и пионер[ской] организацией был.

Связь с двумя иностранными представителями я установил через Меер. У немецкого консула я был один раз и получил подарки — рубашки.

У нас внутри церкви не было тарелочного сбора. Через Меер я получил от немецкого консульства 100 и 50 руб. для осужденных патеров. Я получал помощь из двух обществ, от Гопфауфа и Ламбо[я], от общества «Фаст Брильянд» и от общества «Брудер ин нот». Я написал список для получения помощи для 6-7 человек, а не для 20 человек, я написал для Пфлигер Елизаветы, для Розы Рислинг, для Аделины Гаке. Среди населения сбора я не организовывал для помощи осужденных патеров. Я отрицаю мое обвинение, что я для 20 человек просил помощь, а только я писал 7 человек.

У меня не было [ни] одного случая, чтоб во время исповеди я говорил, чтоб выступали из пионер[ских] и комсомольских организаций, такая директива была, чтоб мы проводили такую работу, чтоб дети выходили из пионер[ских] и комсомольских организаций.

В отношении спрятанных ценностей я ничего не знаю.

Я дал адреса тех лиц для получения помощи, которых я знал, но они помощи не получили, им не выслали. Когда арестовали патеров, ко мне приходили родственники и просили помощи для арестованных, то я им давал деньги, которые передал консул. Когда у меня не было средств для дачи помощи, я просил Меер, чтобы она дала из своих сумм.

У нас в церкви занимались дети от 7 лет до 13-14 и взрослые люди. Воеводская подготовляла детей для молитвы, но я сам лично не видел, чтоб она занималась с детьми. Когда я делал проповедь, то я никогда не касался воспитания детей.

Из Берлина я получил 2 перевода, а всего из Лондона я получил 10 переводов, каждый раз 6 руб. золотом и всего приблизительно 60 руб. золотом. От германского консула я получил 150 руб. для арестованных и для себя я получил 2 раза продукты, Меер мне передала.

Стелинковскому я читал общие религиозные вопросы. Стелинковский ко [мне] пришел и сказал, что он иностранный подданный, что он хочет уехать и ему надо получить документ, чтоб я его венчал. Я ему сказал, что он должен получать у нас уроки, и я ему читал лекции. Он мне показал фашистский знак и сказал, что он национал-социалист и что он мне на исповеди все скажет. Его жена русская и она хотела принять униатство, об этом я сказал Нейгуму.

Обв[иняемый] Нейгум: Патер Рейхерт мне сказал, что молодой человек пришел со своей невестой венчаться и этот молодой человек ему показал фашистский знак и просил, чтоб он не сказал невесте, что он фашист. И после этого случая он больше не появлялся.

Обв[иняемый] Рейхерт: Я писал: прошу таким-то лицам, если возможно, посылать помощь, они находятся в плохих условиях, что они безработные, больные. Эльзас ко мне обратилась, чтоб я ей написал письмо для получения помощи, но я ей отказал, а всем остальным, которым я выписал помощь, я в последствии им сообщил, что я им написал.

Меер мне сказала, что консул итальянский уезжает в Рим, то я ее попросил, чтоб консул мне достал 2 церковные книги, и передал через Меер записку, но она не передала эту записку.

Я 700 руб. от немецкого консула в разное время не получал. Я обо всем передавал Нейгуму и ему рассказал, что Воеводской я передал работу, чтоб она проводила среди детей.

Обв[иняемый] Нейгум: В кружках «Ружанцов» входит молодежь.

Обв[иняемая] Меер: Я признаю себя виновной в том, что я передавала жене консула, что священники арестованы и нуждаются, и что я прошу для них помощи. Она мне сказала, чтоб я обратилась к консулу. Он меня расспросил, кто такие эти священники, я ему сказала. Он мне один раз дал для них 150 руб., потом еще суммы. И он мне дал 700 руб. и я за эти деньги покупала продукты, вещи и передавала этим священникам, которые были в заключении. Ко мне пришел патер Рейхерт и мне рассказал, что у него был представитель итальянского консула и который его расспрашивал, сколько священников арестовано, и он меня попросил, чтоб я пошла в консульство и узнала, в чем дело. Я зашла к итальянскому консулу. Консул меня спросил, знаю ли я, кто арестован с священников. Я ему перечислила фамилии, он себе заметил, принес 100 руб. и сказал: «Передадите патеру». И я передала патеру Рейхерту 100 руб.

Как-то меня встретил Шилле Амбросий, который меня попросил, чтоб я через консула передала письмо для посылки его дочерям, которые на-

ходятся за границей. Я по согласию консула у него взяла письмо. Когда Шилле вернулся с концлагеря, письмо прибыло [к] консулу, где они просят (его дочери) узнать, где находятся родные. Я сказала консулу, где Шилле Амбросий находится, и консул сам ответил, где находится Шилле. В 1935 г. ко мне пришла Лидия Шилле, которая просила, чтоб я сказала жене консула, что Шилле трудно жить, чтоб консул им помог. И мне жена консула передала 80 руб. и я эти деньги передала Лидии Шилле.

От германского консула я получила 700 руб. и эти деньги были направлены для подачи помощи духовенству. Патер Шуберт на праздник получал продуктовые посылки. Я ему отнесла на пасху посылку, и после праздников он мне дал письмо для передачи жене консула, и я передала.

Перницкая мне передала два письма, чтоб я отправила через консула, я передала.

Лидию Шилле я познакомилась с консулом.

Я в церкви собирала сбор и этот сбор пошел в пользу церкви. Я в нашем правлении просила, чтоб мне разрешили собрать немного денег для патера Шилле. Мне не разрешили. Я взяла женщину, поставила ее во дворе костела с тарелкой и ей сказала, чтоб она собирала для Шуберта, она и собирала.

Эти журналы, что у меня изъяли, я детям не показывала. Я у консула взяла обложку. Я даже не прочла, что там писалась Троцкого «Моя жизнь». Я книги не видела, я только для работы взяла обложку.

30 долларов мне дала жена консула, когда консул уезжал.

Я себя во всем признаю виновной.

Жена консула пришла в костел. Там я с ней познакомилась. Она меня попросила, чтоб я учила ее детей, и с 1928 г. я заходила в дом консула.

С 1935 г. я начала передавать деньги нуждающим[ся] патерам. До 1935 г. я вообще через консула помогала бедным.

С итальянским консулом я познакомилась в костеле. Я в костеле была кандидатом в правление. В 1928 г. я обучала закону божия. Патер Пфлуг мне говорил, чтоб я обучала детей закону божия. Я их готовила для причастия.

Первое время я никому не говорила, что я занимаюсь у консула, а потом Перницкая узнала, что я работаю у консула, и как-то Перницкая мне сказала, что она хочет зайти к консулу по делу. Я узнала, когда консул принимает, и после этого Перницкую привела к консулу. Пришло к консулу письмо от сына Перницкой, который писал, что он очень беспокоится, что его мать не пишет. Я тогда про это сказала Перницкой, и она дважды посылала письма через консула.

Как-то мне консул Рот дал бумажку с двумя фамилиями, чтоб я доставила метрическую выписку им, но фамилии я их не помнила. Мне как-то консул дал письма и 30 руб., чтоб я отнесла старушке Муллер, я нашла эту старушку и ей вручила. Я Шуберту отнесла 6 книг, которых я взяла у жены

консула. Газет ему я не передавала. Когда приходили письма Александра Перницкого, мать его мне прочла, он написал, что он благодарит патера Шуберта, что он помнит его отца. Он писал, что молодежь должна бороться, что за религию нужно бороться до кровопролития. Перницкая Мария писала сыну, чтоб он не спрашивал о коммунистах и большевиках. Письмо Перницкого я дала читать жене консула и патеру Шуберту.

Патер Шуберт был именинником и на именинах ему делали подарок, мы написали визитную карточку с детьми, которые уже исповедались, и на визитной карточке мы написали «Патеру Шуберту от немецкой молодежи».

Я помогала патеру Вольфу, патеру Лорану, Крушинскому, Таубергу, давала им по 20–30 руб. покупала им вещи. Могильницкая стояла во дворе костела и собирала в помощь патеру Шуберту. Петерс собирал сбор для патера Шуберта. Письмо Шуберта я принесла в правление и сказала, что патер Шуберт благодарит за помощь.

Воеводская всегда занималась с детьми. В 1935 г. я видала, как Воеводская занималась с детьми. При входе в костеле я слыхала, как одна мать спрашивала Воеводскую, когда можно привести ее девочку для учения. Патер Рейхерт мне тоже предлагал заниматься с детьми, я отказалась.

Обв[иняемый] патер Рейхерт: Я такого случая не помню.

Обв[иняемая] Меер: Я как-то пришла в церковь. Там сидело несколько девочек, одна указывала на другую и говорила: «Пани Михалина, она пионерка». Воеводская говорила: «Если она пионерка, я ее не буду обучать».

Хозяйка итальянского консула Гаубич бывала у жены немецкого консула, и я там с ней познакомилась. Итальянский консул приехал с Новороссийска и просил, чтоб достали воспитательницу и для детей итальянского консула. Я рекомендовала Франко и она уехала в Новороссийск на работу к консулу. С ней я не переписываюсь.

Одна женщина, я не помню ее фамилию, просила передать через консула письмо для ее мужа, который жил за границей, и она письма не хотела по почте посылать. Я слыхала, что итальянский консул уезжает на лето. Я Рейхерту сказала, [что] консул уезжает в Италию, патер Рейхерт сказал, что ему нужна книга для богослужения. Я Рейхерту сказала, чтоб он написал на записке эти книги, и если я буду у консула, я передам ему, чтоб он достал книги. Через некоторое время я узнала, что консул не едет, и я про это известила Рейхерта.

Либман немецкий подданный. Земздорф иностранный подданный, Мевес тоже иностранный подданный. Жена консула мне к ним какие-то пакетики передавала. Что там было в пакетиках, я не знаю.

Обв[иняемый] Бак: Я себя признаю виновным в том, что я преподавал закон божий детям: Розен, Куппле, Штро, Витергальд, Штро Георгию. Блем их подготовлял к исповедыванию. Я старался посредством про-

поведи действовать на родителей, чтоб они своих детей воспитывали в религиозном духе.

Говорил о хлебосдаче с Феликсом Гецом, Шилле, говорил, что советская власть забирает хлеб.

Я знал еще в 1934 г., что в костеле Успения замурованы ценности. Точного места мне не указали, где вещи лежат.

В 1934 г. я бывал в Одессе у Нейгума, у Рейхерта.

Я себя не признаю виновным по отношению к Ламбою. Я с ним встретился, поздоровался, но он меня никуда не вербовал. Я встретил его у Боровского.

Я по заданию Крушинского отрывал молодежь от советского воспитания. Я вел к[онтр]-р[еволюционные] разговоры.

Я знал, что Ламбой находился за границей, потом я его видел в 1926 г. в Одессе. Мне Боровский сказал, что Ламбой является представителем германского генерального штаба.

Католические дети уже сами знают, что если они приходят к причастию, то они не могут быть уже пионерами. Я получил директиву от Крушинского, чтоб мы детей воспитывали в религиозном духе, чтоб их оторвать от пионерорганизации.

В проповедях я не говорил относительно хлебозаготовок. Я говорил с отдельными людьми, с Феликсом Гецом, Шилле, они отрицательно относились к нашим разговорам.

Я входил в к[онтр]-р[еволюционную] группу, которая проводила задачу оторвать детей от советского воспитания.

С Нейгумом я говорил об аресте Крушинского, Тауберга, Гофмана, Лорана, за что они арестованы, мы не знали. Мы с Нейгумом говорили, что мы тоже будем ликвидированы.

Я помощь получал из Берлина, из Лондона, из Москвы от Красного Креста, благодарственных писем я не писал.

Я по своему убеждению стал контрреволюционером. Я, как католический священник, против советской власти, и поэтому я вел антисоветскую агитацию с людьми.

Нейгуму я делал информацию, что делается в моем приходе. Сколько прихожан посещает церковь, сколько молодежи посещает церковь. Я информировал Нейгума, какую я работу провел по отрыву детей от советского воспитания. При этом разговоре был Нольд. Прелат Крушинский давал задание следить за молодежью, чтоб они не записывались в пионерорганизацию, преподавать закон божий.

Боровский у себя на квартире мне заявил, что Ламбой и Гопфауф являются представителями германского генерального штаба. Я Ламбою и Гопфауфу информации не передавал. От них я помощи не получал, в 1926 г. я с Гопфауфом имел переписку.

Боровский мне сказал, что ценности спрятанные большие, на 100 тыс. руб. Когда молодежь села была свободная, то большинство молодежи ходила в церковь. С каждым годом посещение молодежи церкви уменьшалось. Но когда я начал проводить работу, то посещение церкви молодежью увеличилось.

Обв[иняемый] Клипфер: Признаю себя виновным в том, что в 1934 г. я два раза обратился к итальянскому консулу, чтоб он мне взаимнообразно дал мне денег и с 1932 г. по 1935 г. обратился несколько раз к германскому консулу, чтоб он мне займы дал денег.

И признаю себя виновным в том, что в силу своей ненормальной половой деятельности совершил в 1927 г. поступок, который я не должен был делать, и сейчас не могу этот поступок вспомнить с содроганием.

Я на предварительном следствии неверно показывал в том, что декан Нейгум мне говорил, чтоб не припускать к исповедованию родителей тех детей, которые состояли в пионерских и комсомольских организациях.

Первый раз я обращался к итальянскому консулу через директора итальянского пароходства, второй раз я сам был у консула. У германского консула я брал денег 13 раз приблизительно, в общей сумме 300–400 руб. Кроме этого, я ежемесячно получал с ноября месяца 1933 г. по 25 германских марок. Каждый месяц я писал благодарственное письмо.

Итальянский консул меня спрашивал, преследуется ли религия в Советском Союзе, сколько священников у нас есть. Я ему сказал то, что я знал.

Я знал, что производились сборы в пользу осужденного духовенства. У итальянского консула я говорил, что Советская власть не притесняет религию. Я получал помощь из Германии, из Красного Креста, писал им благодарственные письма.

Последнее время, 9.XII.[19]34 г. меня профессор Айхенвальд и Шевельков осмотрели. Эти документы находятся в деле. Я являюсь гомосексуалистом и я на почве своей болезни принял католическую веру, я чувствовал симпатию к одному католику, Гиндзелевскому, и решил перейти в католическую веру.

Я никакой работы не проводил насчет детей, отрыва их от пионерорганизации. В 1929 г. я заведующему школы написал письмо, что он неправильно поступает, если он детей исключает со школы, если они не хотят вступать в пионерорганизацию. Я от Нейгума директивы не получал о работе нашей среди молодежи и я никакой работы не проводил, может быть, я среди своих знакомых высказывался, что мне не нравится, когда дети вступают в пионерорганизацию. Я говорил, что без согласия родных детей не имеют права принуждать детей вступать в пионерорганизацию.

Обв[иняемый] Эйзенкрайн: Я себя признаю виновным, что я детям преподавал закон божий. Я, главным образом, старался повлиять на родителей, чтоб они не пускали детей в пионерорганизации.

У меня был патер Каппес, но он у меня не скрывался.

Я контрреволюционную агитацию среди населения не проводил. Действительно, я с одним свидетелем говорил, сколько он получает на трудодень, он мне ответил, я сказал, что ему будет немного туговато, что мало ему дают на трудодни. С Келлером я не имел беседы.

Когда патер Каппес меня посетил, он мне говорил, что он приехал с Москвы, у него в Самарской губернии был приход. Он мне говорил, что он бежал из своего прихода, потому что его должны были арестовать. Он мне говорил, что он был за границей.

В своих проповедях я о вопросах хлебозаготовок не говорил. Были беседы, но с отдельными лицами.

Каппес мне говорил, что он задачи свои кончил, которые ему дали за границей. Каппес мне рассказывал, что ему дали задачу попасть в Россию и чтоб устно передать, чтоб патера Фризоня рукоположить в епископы, потому что на Украине не было епископа. Каппес у меня был в 1930 г. Он находился с 1925 по 1930 г. в Советском Союзе. Фризон был рукоположен в епископы. Патер Каппес бежал со своего прихода, бежал в Москву. Он посетил германское посольство в Москве, по каким вопросам он бывал в германском посольстве, я не знаю. Я в работе патера Каппеса не принимал участия.

Я с патерами говорил о хозяйственном положении в деревне, я говорил, что крестьяне теперь мало получают, что нужда сейчас, в общем, я обрисовывал картину прогрессирующего упадка сельского хозяйства, сравнивал сельское хозяйство с дореволюционным временем. Говорил с Крушинским, с Шубертом, с Нейгумом, с Штиллером. Я симпатизировал фашистскому строю, потому что фашистский строй дает более свободы религии, вообще, все священники симпатизировали фашистскому строю, кроме патера Нейгума.

Я дружил с русским священником Люминавским. Мы разговаривали и говорили о нашей церкви и о православной церкви. Я говорил, что наша церковь более стойкая, чем православная церковь. Я этого священника не втягивал в унию. Нейгуму я говорил об этом священнике, но в отношении того, чтоб я ему говорил, что я его втягиваю перейти в унию, я этого не говорил.

Приблизительно в 1935 г. я подготовил к исповеди детей человек 20–30.

Я непосредственно имел связи с прелатом Крушинским.

Я из-за границы получал помощь из «Фаст Брильянд», из Лондона и из Красного Креста. Из Берлина я получал по 25 марок, из Лондона я получал по 2 фунта.

Я информировал патера Каппеса о положении в наших селах.

Обв[иняемый] Нейгум: Каппес — русскоподданный, он выезжал легально за границу [с] епископом для того, чтобы собирать сборы в Америке.

Обв[иняемый] Эйзенкрайн: Я с Гопфауфом связи не имел. Я в Германию не писал, чтоб мне марки посылали. Кто писал, я не знаю.

Обв[иняемый] Нольд: Признаю себя виновным в отрыве молодежи от советского воспитания. Я старался посредством проповеди влиять на родителей и на молодежь, чтоб они посещали церковь, чтоб они были религиозными. Молодежь ходила в церковь и не посещала пионерорганизацию, и в результате моей работы в 1929 г. пионеротряд распался, все пионеры вышли из организации, и в 1930 г. распалась комсомольская ячейка. Я учил детей закону божию, и через мои руки перешли все дети моего села, за исключением детей актива.

Я получал деньги из Германии, из Лондона, из Красного Креста. Я за границей не писал письма и не писал благодарственные письма. И Зельману я не просил из-за границы помощь.

Я в своих проповедях не говорил, чтоб они в праздничные дни не ходили на работу, но я на колхозников религиозно влиял, и если они религиозны, то они не ходили на работу в праздничные дни.

У меня был маленький приход. Последние годы очень мало прихожан посещало церковь. Я как-то приходил к Нейгуму, я у него спрашивал совета, что мне делать, если приходят комсомольцы исповедоваться. То мне Нейгум сказал, чтоб я комсомольцам отказывал. Из комсомольской организации по моему влиянию вышли Баухпетерг Адам, Марклах Антон, Марбах Пий. Я влиял на родителей, чтоб они не пускали своих детей в пионеротряды, чтоб дети ходили в церковь. Младший брат комсомольца Вайхеля был больным, меня вызвали к больному мальчику, я пошел, помолился. Мне комсомолец Вайхель сказал, что он считает неправильным, что я делаю, я ему объяснил, почему и зачем я делаю, но он на своем настоял, и я на своем настоял.

Я из-за границы 13–15 переводов получил, приблизительно 100 руб. золотом. Я сам лично не просил о высылке мне денег.

Я не знаю, что у нас была директива о привлечении в унияство. У меня был сосед священник Некрашевич. Я с ним начал дружить с самого момента его прихода.

Я никому не содействовал в получении фашистской помощи.

Обв[иняемая] Перницкая: Я считаю себя виновной, что я ходила к немецкому консулу и что я нелегально передала консулу письмо для моего сына. Мой муж был [за]страхованный. Когда мой сын уехал за границу, он забрал бумаги страховки. Я писала моему сыну, чтоб он мне прислал эти бумаги. Я спросила Меер, как мне поступить, она мне сказала, чтоб я пошла по этому поводу к консулу. Я пошла к консулу и попросила, чтоб он мне помог найти страховочные бумаги, и чтоб деньги были положены в банк, и чтоб я их получала. Консул мне обещал помощь, потом сам мне писал, что у нас делается, как коммунисты живут.

Я ему ответила, что [б] он о советской власти ничего не писал, потому что я буду иметь неприятности.

Патер Шуберт, знакомый моего мужа, когда он услышал, что мой сын за границей находится, то он меня просил, чтоб я передала привет сыну. Сын после этого передавал привет Шуберту. Через Меер я отправила 2 письма, чтоб она эти письма передала консулу, и он чтоб переслал моему сыну. Я только написала, что Шуберт арестованный, об остальном духовенстве я сыну ничего не писала. Я к консулу 3 раза ходила по вопросу о страховке. Сын мой писал: скорей кровь потерять, чем веру. Меер читала письма. Шуберт читал это письмо. Молодежи письмо я не давала читать.

Сын мой уехал за границу, когда ему было 11 лет. Сейчас ему 22 года. Помощь я получала от сына. От сына я получала письма по почте. Я получила 500 долларов за страховку, они лежат в Берлине в банке, и я этих денег не получала, но от сына я получала 5 раз по 40 марок. Сын мой писал, что он будет священником, и что когда он закончит школу, он приедет в Россию. Александра я сама послала, старшего сына советская власть отправила.

Обв[иняемая] Меер: Старшему сыну Перницкой разрешили выехать за границу, как больному.

Обв[иняемый] Нейгум: Консул через Тауберга завербовал 5 человек, в том числе и сына Перницкой отправили за границу.

Обв[иняемая] Перницкая: Патер[у] Нольду я дала читать письмо, Меер я дала читать письмо и она мне сказала, что жене консула дала читать письма.

Обв[иняемая] Воеводская: Я признаю себя виновной в том, что я состою в кружках религиозных «Ружанец» и «Герциарка». С детьми я занималась, подготавливала их к процессии, к крестному ходу.

Обв[иняемый] Нейгум: У нас в преподавании есть 4 процесса: нужно подготовить детей к исповеди и причастию, потом их подготовить к процессии. Главным образом, детей нужно обучать к исповеди и причастию. Мне Рейхерт сказал, что Воеводская подготавливает детей к исповеди и причастию. Поручили это Воеводской, потому что другой бы не рискнул этим заниматься.

Обв[иняемая] Воеводская: Патер Рейхерт просил меня обучать детей закону божия, но я детей не обучала, я только подготавливала к процессии.

Обв[иняемый] Рейхерт: Я спросил Воеводскую, будет ли она детей обучать закону божия.

Обв[иняемая] Воеводская: Я детей не подготавливала к исповеди, но я их не учила, мне на очной ставке Мицкевич говорила, что я ребенка учила крестики делать, но я никого не учила.

Обв[иняемый] Нейгум: Воеводская могла с детьми молитвы выучить, которые требуются для причастия.

Обв[иняемая] Воеводская: Я в 1927 г. учила детей к причастию и меня за это осудили, а последнее время я детей к причастию не подготавливала. Я детей к причастию патеру не передавала.

Обв[иняемый] Рейхерт: Ко мне привели 10 детей, которые были подготовлены к причастию, но дети были подготовлены своими родителями. Обв[иняемая] Воеводская приставила их ко мне к причастию. Среди этих детей были поляки, немцы, армяне и каждая нация на своем языке учит молитвы. Воеводская могла только подготовить польских детей.

Обв[иняемая] Воеводская: К причастию к патеру Рейхерту я подвела 7-8 детей, они пришли без родителей в костел.

Обв[иняемая] Меер: Эти детские журналы, что у меня нашли, они запрещенные в Советском Союзе, так как я с детьми занималась, я думала использовать эти старые журналы.

Свидетель Гец Петр Антонович: [Я] 1899 г. рожд., работаю в колхозе Ворошилова, с. Богунское. Среди обвиняемых нет родственников. Знаю патера Бака. Личных счетов с ним не имею. Я был в церкви весною в 1934 г. Патер Бак делал проповедь, говорил, чтоб люди верили, чтоб люди богу молились. Патер Бак у себя на квартире детей-школьников обучал закону божью, Бендельгольц Марию и других детей. Один раз я с одним сторожем сторожили виноградник, к нам пришел патер Бак и говорил, что раньше, до колхоза, людям лучше жилось, чем сейчас. Против советской власти он мне ничего не говорил. Родные детей мне рассказывали, что обв[иняемый] Бак учил детей закону божью.

Свидетель Баумгертнер Георгий Георгиевич: [Мне] 39 [лет], работаю в с. Блюменфельд учителем в школе. Среди обв[иняемых] нет родственников. Из школьников в восьми-двенадцатилетнем возрасте священником привлекались к учению закона божия. Приходили пионеры и говорили, что они исповедывались и хотят выйти из пионерорганизации. Знаю я таких детей: Гизен Эмилия, Треухман, Кифель, Лейбман Анна и Мария, Кислинг. Патером был Эйзенкрайн. Мы это проверяли и установили, что на родных и на детей влияет священник Эйзенкрайн. Раньше замечалось массовое обучение детей закону божью. В 1935 г. меньшее количество детей обучалось.

Обв[иняемый] Эйзенкрайн: Свидетель верно показывает. Я посредством влияния на родных обучал детей религии.

Свидетель Гергардт Иосиф Петрович: [Мне] 35 лет, работаю в колхозе колхозником, судился по 99 ст. УК в 1933 г. Я знаю патера Эйзенкрайна. В 1931 г. я работал в кузне, во дворе жил обв. Эйзенкрайн, он к нам заходил в кузню, спрашивал, как мы живем, сколько мы зарабатываем. Как-то Эйзенкрайн меня позвал и начал меня спрашивать, сколько наши колхозники получают на трудодень. Я ему сказал, он мне сказал, что колхозники мало получают, что денег нет у колхозников. Через неко-

торое время он меня опять позвал, и говорили о ремонте. Он мне говорил, что ксендзов арестовывают, что он хотел бы, чтоб его не арестовали до весны. У нас в октябре месяце было собрание, а у нас в церкви каждый [день] были молебны, то пришлось ждать, чтоб население вышло с молебна и тогда лишь началось собрание.

Обв[иняемый] Эйзенкрайн: Я показания свидетелей подтверждаю.

Свид[етель] Крейс Яков Фридрихович: [Мне] 35 лет, раб[отаю] в колхозе колхозником. Знаю обв[иняемого] ксендза Нольда. Наши колхозники получали гитлеровскую помощь. Один колхозник Узельман мне заявил, что он получал марки гитлеровские и что письмо написал для него в Германию патер Нольд. Была возня с пионерами. Наши пионеры ходили в церковь, то нам пришлось покупать детям красные галстуки, чтоб они не ходили в церковь. Патер Нольд в церкви ругал родных, чего дети не ходят в церковь. Нашли письмо у Нольда, где писалось, что в деревне голод, что люди голодают.

Обв[иняемый] Нольд: Я Узельману не писал письмо о помощи.

Свид[етель] Крейс: Мне сам Узельман говорил, что Нольд ему написал письмо за границу. Нужно было идти на работу, то начинается молебен. У нас было землетрясение, на другой день собрал Нольд прихожан и сказал, [что] нас бог наказывает за грехи. Когда надо было на заем подписаться, Нольд говорил (мне так рассказывал Вальхерд и Мост), что люди не имеют чего кушать, а тут заставляют подписываться на заем, сам не хотел записываться на заем.

Обв[иняемый] Нольд: У нас было Рождество, у нас было богослужение по этому поводу, в то время и у нас произошло землетрясение, но во время службы [я] не говорил о землетрясении.

Свид[етель] Нуц Георгий Георгиевич: [Мне] 29 лет, председатель сельсовета, не судился. Знаю обв[иняемого] Нольда. Весной, когда я был председателем колхоза, то ходила женщина и собирала деньги для церкви, потом ходила Шумахер Магдалина и говорила, что в церкви была молитва, и патер Нольд говорил, что за то, что люди не молятся и не верят в бога, то дожди не идут и урожай плохой.

Обв[иняемый] Нольд: Свидетель неверно показывает.

Спецколлегия постановила остальных свидетелей не допрашивать.

Обв[иняемая] Меер: Я больна хронической головной болью. У меня грыжа.

Обв[иняемая] Перницкая: Больна ревматизмом, сердце большое.

Клепфер: Меня освидетельствовал профессор Айхенвальд, который дал мне свидетельство о моей психической ненормальности. Я ненормальный человек.

Обв[иняемый] Эйзенкрайн: У меня в 1927 г. был односторонний паралич. Сейчас у меня трясется рука.

Обв[иняемый] Клепфер: Я подтверждаю показания свидетеля Товстоновского, но не вполне. Был один раз с ним факт, что я жил. Я отрицаю, что была система. Был одиночный случай в 1927 г. На очной ставке Товстоновский подтвердил свое показание, и это имело место.

Обв[иняемая] Воеводская: Я марки из-за границы не получала.

Обв[иняемый] Нейгум: Арт[ериальным] склерозом болен, миокардитом болен. С отеком ног и расширением вен, болен печенью и припадками. Имеется геморрой и ревматизм. 6 июля 1933 г. по комиссии врачей был досрочно освобожден с концлагеря.

Защитник Алексеева-Попова: Прошу приобщить справку о болезни обв[иняемого] Рейхерта.

Прокурор не возражает.

Спецколлегия постановила: приобщить справку о болезни обв[иняемого] Рейхерта.

Судебное следствие закончено.

Предоставляется слово т. Ионкису, который просит применить к обв[иняемому] Нейгуму 10 лет лишения свободы; Рейхерту — 8 лет; Меер — 8 лет; Бак — 8 лет; Клепферу — по ст. 54–11 УК УССР, 165 ст. отпадает, потому что закон от 11 января [19]34 г. не имеет обратной силы, применить лишение свободы на 7 лет; обв[иняемому] Эйзенкрейну — 8 лет; Нольду — 8 лет; Перницкой и Воеводской применить лишение свободы в общих местах заключения на 3 года.

Предоставляется слово защитнику т. Алексеевой-Поповой, которая просит смягчить приговор обв[иняемым] Нейгуму, Рейхерту, Нольду и Эйзенкрейну, обв[иняемую] Воеводскую просит оправдать.

Предоставляется слово защитнику т. Тульчинскому, который просит смягчить приговор обвиняемым Меер, Баку, Клепферу, Перницкую просит оправдать.

Предоставляется последнее слово **обв[иняемому] Нейгуму:** Я сознаюсь и признаюсь откровенно в своих преступлениях. Я сам осуждаю свои действия. Я прошу снисхождения ввиду моего старческого возраста.

Обв[иняемый] Рейхерт: Я до моего ареста не думал, что я провожу к[онтр]-р[еволюционные] действия. Прошу смягчить мне наказание.

Обв[иняемый] Бак: Признаюсь виновным. Прошу снисхождения.

Обв[иняемый] Эйзенкрайн: Прошу смягчить мне приговор. Когда в 1919 г. у нас в немецкой колонии было восстание, то там, в той колонии, где я был, в колонии Блюменфельд, у меня не было восстания. Я упросил, чтоб не восстали мои прихожане. Я прошу суд смягчить приговор.

Обв[иняемый] Нольд: Прошу снисхождения.

Обв[иняемый] Клепфер: Я прошу суд учесть, что я больной человек, я уверяю вас, что я не был врагом советской власти. Но я не в силах этого доказать. Я глубоко раскаиваюсь, что я ходил в консульство. Прошу отнестись ко мне снисходительно. Я постараюсь принести пользу. Я прошу, чтоб меня не послали в концлагеря, прошу применить условное наказание.

Обв[иняемая] Меер: Я прошу меня помиловать.

Обв[иняемая] Воеводская: Я не контрреволюционерка, я с 1917 г. член союза.

Обв[иняемая] Перницкая: Прошу ради моего ребенка меня освободить.

Суд удалился на совещание, после чего вынес приговор, объяснив обвиняемым срок обжалования приговора в спецколлегиях Верх[овного] Суда УССР.

Председатель

Гудзь

Секретарь

Ярмолинец

*ДА СБ України, Одеса. — Спр. 24719-П. — Т. 3. — Арк. 586–605.
Оригінал. Рукопис.*

№ 139

Вирок спецколегії Одеського облсуду у справі настоятеля костьолу с. Эльзас Зельцьського району патера Л. Вольфа 29 лютого 1936 р.

ВИРОК уголовный *

Ім'ям Української Соціалістичної Радянської Республіки 1936 р. февраля 29-го дня спецколегія Одеського обл. Суда в складі: голови Бантуса, членов: Лехта, Матвейчук, з секретарем Ярмолинец, з участю прокурора Йонкиса та Оборонця Дубинського,

розглянувши на закритому засіданні справу по обвинению Вольфа Лаврентия Лаврентьевича, 1871 г. рожд., уроженца с. К[ляйн]либенталь, Спартаковского р[айо]на, немца, гражданства УССР, со средним образованием, настоятеля римско-католического прихода в с. Эльзас, Зельцьского р[айо]на, Одесской обл[аст]и, лишеного избирательных прав, несудимого, — в преступлении, предусмотренном ст. 54–10 ч. 1 УК УССР.

Материалами предварительного и судебного следствия установлено, что Вольф на протяжении 1932–1935 гг. систематически в проповедях, на ис-

* Текст бланку виконано українською мовою, решта тексту вписана від руки російською.

поведи и при выполнении других религиозных обрядов проводил антисоветскую агитацию среди колхозников немецкого с. Эльзас в целях отрыва молодежи и детей от коммунистического воспитания и выхода из комсомольских и пионерских организаций. Означенную агитацию Вольф проводил как среди родителей для воздействия их на детей, так и среди молодежи, в результате чего молодежь и дети не вступали в КСМ и пионерские организации (см. л.д. 8–29, 32–33 и протокол судебного следствия).

Обвиняемый Вольф признал себя виновным только в произнесении проповеди антисоветского содержания, однако свидетельскими показаниями Шнайдер Анастасии, Биглер Екатерины, Иоста, Гегеле целиком изображен в совершенных им преступлениях.

Исходя из вышеизложенного, спецколлегия считает вполне доказанной вину Вольфа в том, что он систематически на протяжении 1932–1935 гг. проводил антисоветскую агитацию, направленную против коммунистического воспитания детей и молодежи и вступления их в комсомольские и пионерские организации, — что предусмотрено ст. 54–10 ч. 1 УК УССР.

Принимая во внимание старческий возраст обвиняемого Вольфа и руководствуясь ст. 42–44 УК УССР, Спецколлегия

п р и г о в о р и л а :

Вольфа Лаврентия Лаврентьевича, 1871 г. рожд. по ст. 54–10 ч. 1 УК УССР подвергнуть лишению свободы в далеких исправительно-трудовых лагерях СССР сроком на **ш е с т ь** (6) лет.

На основании пп. «а», «б», «в» ст. 29 УК УССР ограничить Вольфа в правах сроком на **п я т ь** (5) лет.

Зачислить осужденному Вольфу предварительное заключение с 15 ноября 1935 г.

Меру пресечения в отношении осужденного Вольфа оставить прежнюю — содержание под стражей в Одесской тюрьме до вступления приговора в силу.

Судебные издержки отнести за счет осужденного.

Взыскать с Вольфа в пользу Одесской коллегии защитников за юридическую помощь в виде защиты сто (100) рублей.

Приговор может быть обжалован в Спецколлегиях Верх[овного] Суда УССР в пятидневный срок со дня вручения копии приговора.

Председательствующий

Бантус

Члены:

Лехт

Матвейчук

*ДА СБ України, Одеса. — Спр. 6721-П. — Арк. 54–55 зв.
Оригінал. Рукопис на бланку.*